

0 философии науки в именительном падеже

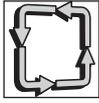
В.Н. ПОРУС

Прочитав статью В.К. Шохина, я был слегка удивлен, обнаружив, что интерес к моему докладу, опубликованному пять лет назад, еще теплится. Ведь не секрет, что многие из нас давно приспособились к роли *писателей, манкирующих ролью читателей*, если воспользоваться намеком В.А. Бажанова на известный анекдот. «Если не читать работы своих коллег, то получается в высшей степени “свободное научное творчество” – творчество, не обремененное ничем иным, кроме как собственными размышлениями»¹. Так получается пародия, ставшая едва ли не нормой в современной отечественной философии. Я с этим согласен, но добавлю, что даже читая и перечитывая чью-то работу, мы часто подходим к ней *слишком* обремененными собственными размышлениями и это бремя так гнетет, что в итоге сил достает только выпустить на волю собственную мысль, не слишком заботясь о понимании чужой. Это все та же «свобода творчества», все в тех же иронических кавычках.

Владимир Кириллович вежливо называет мой тогдашний доклад «актуальным», «ярким» и «по-своему замечательным», но вместе с тем позицию, выраженную в нем, «удивительно наивной», т.е. не выдерживающей критики. На критику я попытаюсь ответить, а долг вежливости уплачу тем, что возражения уважаемого коллеги отнесу лишь на счет недостатков моей аргументации.

По замечанию моего критика, между специалистами в какой-то определенной научной области и философами, которым эта область «дана извне» как сфера интереса или возможного влияния, часто обостряется «территориальный спор». Я думаю, что такие споры если и имели в прошлом какую-то напряженность, уже давно ее утратили.

¹ Бажанов В.А. Свободное научное творчество и его имитация в отечественной философии // Эпистемология & философия науки. 2010. Т. XXIII. № 1. С. 113.

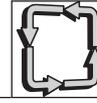

Просто современные ученые в своем большинстве не принимают всерьез претенциозных философов. Если философам что-то непонятно, им снисходительно объяснят, а если не получится (не важно, по чьей вине), то попросят впредь не беспокоить. Когда же философы нахально «поправляют» ученых, выдавая им некие методологические или мировоззренческие прескрипции, то их либо вовсе не слушают, либо выпроваживают из дискуссии без всякого почета. Теперь это, конечно, легче, чем в то время, когда (не только в нашей стране) за спиной философов стояла власть с ее специфическими средствами убеждения. Теперь чаще бывает так, что философы, забираясь на «территорию» науки, *притворяются учеными*, перенимая их лексикон и имитируя стиль. Тогда над ними более или менее откровенно смеются. Примерно так изображал ситуацию Р. Фейнман: «Эти философы всегда топчутся около нас, они мельтешат на обочинах науки, то и дело порываясь сообщить нам что-то. Но никогда на самом деле они не понимали всей тонкости и глубины наших проблем»². Конечно, Фейнман не был противником философии, напротив, высоко ценил ее, но лишь как горизонт, к которому направлено движение науки, а не как смотровую площадку, на которой толпятся люди, важно умничающие о том, в чем плохо разбираются.

Мой мысленный эксперимент с бригадой «специалистов по науке» показывает только то, что притворство легко разоблачить. Но — это в мысленном эксперименте. В жизни бывает как раз наоборот: имитаторы научности преуспевают (и как «грантополучатели», и как обладатели *научных* степеней и званий), тогда как философы, пользуясь *своим* (а не попугайски перенятым) языком, оказываются в положении не то юродивых, не то лукавых краснобаев, небескорыстно «вешающих лапшу на уши» занятым людям. Такова реальность и, право же, не стоит утешаться тем, что общественная, де, польза от философии «заключается прежде всего в самом ее существовании». Этой замечательной мысли еще надо придать вящую убедительность, чтобы она не была транспарантом, под которым топчется кучка ангажированных профессионалов.

Безусловно, философ найдет внимательную и, возможно, сочувственную аудиторию даже среди ученых, а не только любопытствующих неопитов, если ему удастся всерьез заинтересовать своих собеседников. Тогда его не просто выслушают, но и прислушаются к его словам. И это совсем не обязательно рассказ о собственных экзистенциальных переживаниях или душещипательные вариации на тему участи личности в репрессивном социуме, захватывающие и тех, кто знает нечто важное о природе «вакуума», «черных дырах» и «темной материи». Философская рефлексия над содержанием научных идей и

² Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Т. 2. М., 1965. С. 24.

О ФИЛОСОФИИ НАУКИ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ

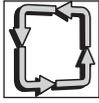
теорий, над методами науки, целями и ценностями, направляющими труд ученых, будет иметь значение не только для самих философов, если ученые (и не только они) найдут в ней нечто большее, чем пересказ того, что понимают лучше пересказчиков. Но что же?

От ученых ждут *профессиональной* работы, того же ожидают и от философов. Не должно сбивать с толку, что и ученые, особенно великие, бывает, философствуют, и философы оставляют заметный след в науке. Разделение труда между ними уже состоялось и следует его придерживаться как верного ориентира.

И как всякая значимая умственная или практическая деятельность, философия сосредоточена вокруг стержневой темы своих многообразных вопрошаний. Дело не в сведении всех философских вопросов к «основному» (критик напрасно приписывает «Межеву–Порусу» этот реликт догматизма), а в том, что философская проблематика есть «единое во многом», если угодно – «философский космос», целостность и осмысленность которому задает главная проблема; без ее постановки и решения вся прочая философская работа есть *родовые потуги бесплодного разума*. И эта проблема известна со времен Сократа, хотя всегда были и будут попытки отказаться от нее или передать ее решение наукам или религии. Это *проблема человека*, сформулированная яснее всех Кантом. Отсюда и моя, совсем не новая, мысль о том, что Философия, если на нее смотреть по-кантовски, а не как на раздерганную мозаику «родительных падежей» (философия любви, философия физики, философия экономики или, наконец, философия продажи арбузов в больших городах), и есть Антропология, если последнюю не понимать как эклектическую смесь «междисциплинарных (в том числе – философских?!) исследований человеческой жизни». Основаниями такой *философской* антропологии должны (по моему разумению) стать не постулаты, возвращающие эпоху умозрительных спекуляций, а ответы на кантовские (по духу, а не по букве) вопросы: что я могу знать, что я должен делать, на что я могу и смею надеяться. И эти-то ответы философия находит в равноправном и уважительном диалоге со всеми науками, возвращая им целостное понимание человека, так сказать, *восстанавливая* его из частно-научных «проекций»³.

Само существование философии есть следствие одного из важнейших аспектов человеческого бытия – свободы. С этим вроде бы согласен и В.К. Шохин, отмечая, что не только на античном Западе, но и на античном Востоке происходило зарождение философии в *свободных и рациональных дискуссиях*. Мне важно именно *это*, а вовсе не спор о том, на каком континенте и в каких социально-культур-

³ Этим я, надеюсь, ответил на вопрос о «части и целом»: что фундирует, а что фундируется во взаимоотношениях философской антропологии и эпистемологии и философии науки. Впрочем, я не считаю этот вопрос слишком занимательным.

но-экономико-политических условиях это случилось около 2,5 тыс. лет назад. То, что проблема свободы является стержневой для европейской философии на всем протяжении ее истории⁴, выводится *не из европоцентрической гипотезы о ее происхождении*⁵, а из моего понимания философии. И ему ничуть не противоречит то, что философы – от Демокрита и Эпикура до нас с Владимиром Кирилловичем – могут совершенно свободно рассуждать об атомах или математических теоремах. Просто с некоторых пор философы, если они не изображают из себя физиков-атомщиков или математиков, мыслят об этих предметах иначе, нежели ученые. Прделав некоторую (признаем, непростую) логическую работу, можно прийти к тому, что и атомы, и теоремы, и космологические гипотезы, и экономические кризисы – все это и очень многое другое интересует философа как знания о мире, в котором есть место человеку. Со всеми следствиями (без нарушений логических правил), на пересчет каковых здесь я не решаюсь. Sapienti sat.

Именно поэтому все то, чем занимаются философы, повторяю, философы, а не более или менее удачливые имитаторы, до сих пор действительно «завораживает богатством своего содержания» и, надеюсь, так будет и впредь, если вторые не подменят первых. Такая опасность есть, в ней можно убедиться, осмотревшись вокруг. Но об этом – уже другой разговор.

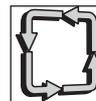
Никто не вменяет в обязанность философам заниматься какой-то одной и даже единственной проблемой, эта странная фантазия не имеет никаких опытных обоснований. Кстати, люди вообще не обязаны быть философами. Кому нравится, пусть будет экономистом, ботаником, религиозным проповедником или водителем такси. Желательно только, чтобы все это было названо своими именами.

Если кто-то (явно или неявно) *не считает себя философом*, а записывается, скажем, *наукведом* (т.е. специалистом по междисциплинарному исследованию науки), флаг ему в руки. Благородное и полезное занятие. Но худо, если этот, простите, многостаночник почему-то желает *называть себя философом науки*, т.е. специалистом по *философии в родительном падеже*, которая собственно к философии относится в лучшем случае как к своему прародителю, для коего теперь самое место – в мавзолее или кунсткамере.

Философ же, разумеется, не должен бежать или отворачиваться от работы, виды которой перечислены моим критиком (я не понял, почему они названы «скучными» или «мелочными» делами, но раз

⁴ Нет, я не утверждаю, что проблемой свободы не занимаются специальные науки. Разве социологи или экономисты не рассуждают о ней? Разве нет здесь места биологам или физиологам, специалистам по устройству и функциям мозга, создателям «искусственного интеллекта»? Но только философия рассматривает свободу как фундаментальную ценность или культурный ориентир личностного и социального поведения.

⁵ Поэтому пример с трехглазыми летающими поросятами забавен, но бессмыслен, ибо того, о чем пытаюсь сказать я, он никак не касается.

кому-то скучные, значит, надо посочувствовать ему или посоветовать заняться чем-то более веселым). Что же толковать о таких вещах? Но стоит вспомнить старую притчу. У трех рабочих путник спросил, чем они занимаются. Один сказал, что везет на стройку кирпичи. Другой – что зарабатывает деньги. А третий – строит Шартрский собор. Притча напрямую подходит к разговору о нынешнем состоянии и перспективах философии науки.

Будучи философией «родительного падежа», она не должна забыть и об именительном падеже, в котором она прежде всего – философия. В каком смысле проблемы, связанные с наукой (их так много, что здесь нечего и пытаться дать их перечень), могут интерпретироваться как проблемы человеческой свободы в сфере научного познания, это отдельный и долгий разговор, от которого я не уйду, а предлагаю перенести его на другую площадку, где будет больше простора и времени. В самом деле, я думаю, что это реальная перспектива философии науки, если последняя не соблазнится легкостью, с какой имитаторы используют авторитет науки для поддержания своего собственного статуса.